

— Л-линь Янь, Учитель Линь?!

Студент-первокурсник, выбравший факультатив Основы и оценка китайской живописи, никак не ожидал, что его преподаватель Линь Янь окажется супругом Тан Цзюэ!

Шэнь Цинчуань учился на филологическом факультете, а на живопись записался из любопытства. Почувствовав симпатию к Учителю Линю, на втором курсе он выбрал его же курс Искусство каллиграфии. Шэнь никогда не опаздывал и не уходил раньше, активно участвовал в дискуссиях и подходил с вопросами после занятий, так что высшие баллы по обоим предметам получил абсолютно заслуженно.

— Цинчуань? Давно не виделись, — Линь Янь улыбнулся, и в его глазах промелькнуло удивление.

— Здравствуйте, Учитель Линь, — послушно поздоровался Шэнь Цинчуань.

Линь Янь всегда симпатизировал этому пареньку: живой, с чувством юмора, сообразительный, с массой свежих идей. Несмотря на отсутствие серьезной базы в живописи и каллиграфии, у него был несомненный талант.

После завершения курсов Шэнь Цинчуань периодически заглядывал на другие лекции Линь Яня в Академии искусств, они общались в мессенджере, и даже после выпуска Шэнь иногда обращался к нему за советом по каллиграфии.

— Сяоянь, ты его знаешь? — у Тан Цзюэ радары работали на полную мощность. Заметив, что изящный, красивый парень заговорил с его супругом, он, хоть и понимал, что это студент, не преминул проявить свою натуру «короля ревности».

— Да, это мой студент из Пекинского университета. Сяоянь, чем занимаешься в последнее время? — участливо спросил Линь Янь.

Шэнь Цинчуань, войдя в зал, не обратил внимания на любопытные взгляды и сразу направился к десертной зоне. Взяв тарелку, он, не раздумывая, отправил в рот кусочек тирамису.

— Спасибо, учитель, вы очень щедры.

Тан Цзюэ протянул Шэнь Цинчуаню визитку. Заметив, что Линь Янь искренне проявил интерес к кому-то постороннему, Тан Цзюэ решил оказать парню должный прием.

— Ха-ха-ха, редко бывает, чтобы студент Сяояня был мне почти коллегой. Появятся возможности для сотрудничества — обязательно позовем тебя.

Шэнь Цинчуань был удивлен — такое приглашение от столь влиятельного человека дорогого стоило. Он взглянул на Учителя Линя, и, получив в ответ одобряющий кивок, застенчиво улыбнулся, принял визитку и, не забыв блеснуть остроумием, рассыпался в любезностях.

У Шэнь Цинчуаня был типичный китайский желудок: западным десертам он предпочитал традиционную кухню.

Зона фуршета располагалась в просторном боковом зале. В отличие от минимализма главного зала, здесь стояли удобные столы и стулья, а по обе стороны были устроены изящные барные стойки.

— Раньше работал в офисах, но все конторы, куда я устраивался, почему-то банкротились... Теперь решил податься в индустрию развлечений, — Шэнь Цинчуань не стеснялся. Раз уж перед ним его глубоко уважаемый учитель, можно быть откровенным.

— Не волнуйся, зять, я парень не промах, — бросив Тан Цзюэ уверенный взгляд, он решительно направился к шведскому столу.

Заметив, что вокруг супругов Тан и Линь собирается все больше людей, Си Хан тактично попрощался с ними и увел Шэнь Цинчуаня в «свободное плавание».

Линь Яня позабавило заявление студента, но нужно было сохранить лицо перед учеником:

— Это хорошо. Люби то, чем занимаешься, и старайся изо всех сил. А каллиграфию и живопись не забрасывай, хотя бы как хобби.

Шэнь Цинчуань тем временем бодрым шагом направился к зоне китайской кухни, предвкушая пир.

Си Хан лишь покачал головой: обычно такой хитрый, а сейчас ведет себя как простофиля.

Креветки с чаем Лунцзин — в дело!

— Не забросил! Я тренируюсь каждую неделю, а если вижу интересную выставку — обязательно иду, — Шэнь был воплощением прилежности.

В боковом зале было немногочисленно: в основном здесь собрались те, кто хотел отдохнуть от светских обязанностей, или молодежь, презирающая пустую болтовню. Атмосфера была куда живее и непринужденнее, чем в главном зале.

— Кхм-кхм... — Тан Цзюэ не ожидал, что студент Линь Яня окажется таким забавным. «Конторы обанкротились» — надо же такое сказать!

В руках у парня теперь была визитка с огромным весом.

Утка по-пекински — в дело!

Лобстер в чесночном соусе — в дело!

Двадцатилетний парень быстро расходовал энергию и постоянно хотел есть. С самого детства он был гурманом, ел всё без разбора, а благодаря шеф-поварам, приглашенным четой Тан-Линь, Шэнь Цинчуань был на седьмом небе от счастья.

Он чувствовал себя рыбой в воде и готов был съесть всё, что видел.

Шэнь Цинчуань так увлекся едой, что даже не заметил, как в зале внезапно воцарилась тишина.

Он старательно выковыривал икру из королевской креветки, когда рядом появилась чья-то рука — длинная, сильная, с четко очерченными суставами. В руке была белая фарфоровая чаша с золотой каемкой.

— Выпей супа. Женьшень со свиным желудком, полезно для пищеварения.

— Кхе-кхе-кхе! — Шэнь Цинчуань, который наслаждался трапезой, чуть не поперхнулся от неожиданности.

Он зашелся в кашле, глаза заслезились, на щеках проступил румянец, придавая ему донельзя жалкий и милый вид.

Человек рядом замер. Чаша в его руках опасно качнулась, и он, сдерживаясь, медленно поднял вторую руку, желая похлопать парня по спине.

Шэнь Цинчуань, стараясь унять кашель, ловко увернулся от попытки помощи. Мысленно закатив глаза, он, даже не поднимая головы, прохрипел:

— Спасибо, постарайтесь не нанести мне повторных травм.

— Что ж, пожалуйста. Так будешь суп? — мужчина с серьезным лицом наклонился ближе.

Шэнь Цинчуань с изумлением поднял голову. Он уже готов был выдать что-нибудь язвительное, но, встретившись с этим красивым лицом, прикусил язык. Глядя на человека, который идеально вписывался в его эстетические идеалы, он лишь молча сглотнул слюну.

Помолчав пару мгновений, он покачал головой:

— Спасибо, не нужно.

— Привет, я Гу Чаоцэ.

— А, я Шэнь Цинчуань.

Атмосфера перестала быть неловкой, и они разговорились. Благодаря искусству Гу Чаоцэ вести беседу, они быстро нашли общий язык.

Один загляделся на лицо, другой — на человека. Пожалуй, это была встреча двух родственных душ, которые могли говорить обо всем на свете, не стесняясь в выражениях.

— И я говорю: если быть на море, я могу сварить в кипятке что угодно! — в лисьих глазах Шэнь Цинчуаня горел огонь истинного гурмана.

Гу Чаоцэ улыбался, с нескрываемой нежностью глядя на собеседника и изредка вставляя свои комментарии.

Они вели себя так, будто были старыми друзьями.

В этот момент к ним поспешил человек в черном костюме. Сначала он извинился перед обоими:

— Прошу прощения, что отвлекаю.

Затем тихо добавил для Гу Чаоцэ:

— Генеральный директор Гу, прибыли господин Гу и госпожа Гу. Господин Тан просит вас подойти.

При упоминании «господина Гу» брови Гу Чаоцэ слегка дернулись. Выражение его лица почти не изменилось, но Шэнь Цинчуань отчетливо уловил раздражение и неприязнь.

— Извините, я отлучусь ненадолго, постараюсь вернуться как можно скорее, — он помедлил и, как бы между прочим, добавил: — Банкет закончится только в десять, позже еще будет фирменное тепаньяки.

Так что не торопись уходить.

— Хорошо-хорошо, иди по делам, я как раз попробую тепаньяки, — хотя на самом деле места в желудке уже не было.

Когда Гу Чаоцэ ушел, Шэнь Цинчуань, радуясь новому знакомству, прогулялся по боковому залу и взял стакан с чем-то похожим на фруктовый сок, чтобы «залить пустоты» в животе.

Он продолжал игнорировать шепот вокруг, ожидая возвращения Гу Чаоцэ.

Подождав еще немного, он почувствовал тяжесть в животе и решил сходить в главный зал — поболтать с зятем и немного растряситься.

— Зять!

— Цинчуань, что такое? Хочешь домой?

— Побуду еще немного, не так уж тут и плохо.

— Произошло что-то интересное?

— Хе-хе, можно и так сказать.

— А что это ты пьешь?

— Газировка, сладкая, это не алкоголь.

Шэнь Цинчуань, прислонившись к спинке кресла в углу, лениво болтал с зятем, попивая свой разноцветный «газированный напиток».

Вдруг послышался стук каблучков, и несколько девушек, хихикая, уселись на соседний диван, принявшись сплетничать.

— Я только что видела, как Генеральный директор Гу пошел в комнату отдыха, какой же он красавчик! — воскликнула девушка в желтом мини-платье, обхватив лицо ладонями.

— Ха-ха-ха, красавчик-то красавчик, но у него невеста есть, правда, сестра Ятин? — льстиво пропела длинноволосая девушка, глядя на сидевшую в центре нежную особу.

— Перестаньте дразнить меня, мы ведь еще даже не помолвлены.

Девушка в длинном белом платье казалась хрупкой и утонченной. Она сидела, скромно сложив

руки, и, хотя отнекивалась, в уголках её губ застыла самодовольная усмешка.

— Ой, не скромничай, мы же все были там, когда папа Гу обсуждал дату помолвки, — продолжала длинноволосая.

— Кстати, сестра Ятин, раз уж Генеральный директор Гу приехал на банкет, почему он не составит тебе компанию? — вставила короткостриженная девушка с резким взглядом, явно недолгоблизавшая свою собеседницу.

— Приходил... Перед приездом он написал мне в мессенджере, что будет занят — помогает дяде Тану принимать гостей, — ловко выкрутилась та.

— Какие такие гости могут быть важнее невесты? Я видела, как он больше часа просидел в боковом зале с каким-то красивым парнем. Глаз с него не сводил.

Видя, что короткостриженная девушка не унимается, Цуй Ваньтин, чьи позиции в этом браке и так были шаткими, не выдержала:

— Чаоцэ сказал мне, что тот тип наглый, пристал к нему и навязывался. В конце концов, всегда найдутся те, кто хочет пробиться наверх за чужой счет.

Она многозначительно посмотрела на короткостриженую, прозрачно намекая на что-то.

— Ха! Кто там куда пробивается, все и так прекрасно знают! — не осталась в долгу та.

Шэнь Цинчуань: «??»

Гу Чаоцэ? Мой новый друг?

Этот «наглец, который навязывался и пробивался наверх» в боковом зале — это я?!

— Зять, я хочу домой! — возмущенно сказал Шэнь Цинчуань.

Стерпеть обиду и не дать сдачи было не в его характере. Но идти скандалить с незнакомыми девицами? Это ниже его достоинства, да и устраивать сцены на банкете учителя он не хотел.

К тому же, слова этой «невесты» вряд ли были правдой. Шэнь Цинчуань не был экспертом в распознавании «зеленого чая», но от этой барышни разило фальшью за версту.

Но он был по-настоящему зол. Такое незаслуженное обвинение! Назвать его тем, кто «навязывается»! Тьфу!

Его злило не то, что у Гу Чаоцэ есть невеста — его это вообще не касалось! Его бесило само обвинение. Чем больше он думал, тем сильнее становился гнев, голова начала болеть и кружиться.

— Сяньсянь, почему так внезапно? Тебе плохо? У тебя лицо покраснелось.

— Все в порядке, зять. Мне просто жарко, — Шэнь помотал головой, словно щенок, но голова закружилась еще сильнее. — Схожу в туалет умоюсь, и поедем домой.

— Хорошо, я провожу тебя.

— Не нужно, я сам.

Сказав это, он, стараясь идти ровно, направился к уборной.

Дизайн туалета в отеле «Жунсян» был таким же вычурным, как и все остальное — сходить по нужде было сродни восхождению на трон.

Раньше Шэнь Цинчуань обязательно бы отпустил пару саркастических замечаний, но сейчас, из-за физического и морального недомогания, ему было не до того.

Из крана с шумом текла вода. Шэнь плеснул себе в лицо несколько раз. Немного придя в себя, он с запозданием понял, что, кажется, пьян.

Видимо, те «напитки» были с подвохом. Кто бы мог подумать, что разноцветная жидкость окажется алкоголем.

Когда опьянение немного отступило, он вытер лицо бумажным полотенцем. Его кожа выглядела свежей, как цветок лотоса после дождя.

В этот момент дверь соседней кабинки открылась, и вышел невысокий, полный мужчина с пухлым лицом. От него разило спиртным, а выражение лица было до тошноты сальным.

Увидев отражение Шэнь Цинчуаня в зеркале, он уставился на него так, что у того чуть слюни не потекли.

— Малыш, я тут продюсирую кино. Встреча со мной — большая удача для тебя, хочешь получить роль? — он подошел ближе и, привстав на цыпочки, протянул руку, намереваясь погладить Шэня по щеке.